

номъ, *нестыдившимся* писать религіозные труды. Я могъ бы перейти къ такимъ именамъ, какъ Робертъ Бойль, этотъ „отецъ современной химіи“, или Кювье, одинъ изъ величайшихъ анатомовъ. Потомъ я могъ бы указать на Фарадея, бывшаго смиреннымъ христіаниномъ и старавшагося разными путями исполнять дѣла христіанскаго милосердія. Позвольте мнѣ также упомянуть Гершеля, Брюстера и Макеуэлла, людей извѣстныхъ за христіанъ. Если вы спросите, чье имя изъ нынѣ здравствующихъ ученыхъ выше другихъ стоитъ въ физикѣ, вѣроятно многіе вамъ назовутъ Стокса, Томсона, людей вѣрующихъ во Христа. Если мы обратимся къ биологической отрасли знанія и спросимъ: чье имя здѣсь выше всѣхъ? намъ, вѣроятно, напомнятъ о ветеранѣ науки Ричардѣ *Оденѣ*, вклады котораго въ изученіе естественной теологіи хорошо извѣстны и другимъ. П. Г. Тэтъ, математикъ профессоръ физики въ Единбургскомъ университетѣ, докторъ наукъ, Членъ многихъ ученыхъ обществъ. Онъ пишетъ: „Предполагаемая несогласованность религіи и науки на столько часто и увѣренно провозглашалась за послѣднее время, что она стала считаться положеніемъ общепризнаннымъ у публицистовъ, и, разумѣется, преподносится ими въ качествѣ завѣдомой истины своимъ черезчуръ довѣрчивымъ читателямъ. Но это предвзятое мнѣніе всецѣло ошибочно, настолько ошибочно, что ни одинъ настоящій ученый не рискнетъ, по крайней мѣрѣ въ Англіи, впасть въ эту ошибку.“ Такого рода, отзывы въ книгѣ Табрумъ приведено до 150. Высшіе представители наукъ: химіи, физики, геологіи, біологіи, физиологіи, филологіи, зоологіи, оснатоли, патологіи, ботаники, антропологіи, гинекологіи, психологіи, математики, астрономіи, геологіи и пр. объявили себя вѣрующими христіанами. Только къ тебѣ, гордый и никому и ничѣмъ неизвѣстный человекъ, сказано въ св. писаніи:..“ рече безумень въ сердцѣ своемъ: нѣсть Богъ!... Псал. 13, 1.

Протоіерей К. Мининъ.

Поѣздка на Тверскіе церковно-археологическіе курсы (съ 28 мая по 8 іюня 1912.)

(Конспектъ лекцій проф. С. Θ. Платонова).

V.

Служилые люди были недовольны и городскіе тоже, но никто не ропталъ на власть и правительство желало только тишины. Жалобы и недовольство доходили до власти челобитными и ни земскихъ соборахъ въ «сказкахъ».

Разбираясь въ «сказкахъ» и актахъ мы получаемъ картину, чего добивались люди того времени. Служилые люди южныхъ границъ посылали свои челобитныя отъ разныхъ сословій и эти челобитныя разбирались на соборахъ. Жаловались они, что дворяне отдаютъ свои земли, жаловались на взяточничество, что «дьяки гораздо

богатѣютъ». Основная бѣда заключалась въ томъ, что служить тяжело людямъ, что платить тяжело людямъ, что развито взяточничество. И царь Михаилъ Ѳеодоровичъ не могъ съ этимъ ничего сдѣлать: онъ умеръ внезапно и на престолъ вступилъ Алексѣй Михайловичъ «гораздо тихій». При немъ былъ въ большой силѣ его дядька Морозовъ, человекъ умный, но не добросовѣстный. Онъ былъ увѣренъ въ своей безнаказанности, а потому и обнаглѣлъ. Онъ избралъ особый способъ обогащенія. — доносы. По сыскамъ таскали человекъ нериннаго, но богатаго и онъ долженъ былъ откупаться. Въ первые годы царя Алексѣя Михайловича по этому поводу раздаются слова недовольства и осужденія даже по адресу царя. Однажды хотѣли жаловаться царю во время его поѣздки и когда сунулись съ челобитной, ихъ отгѣснили и изъ этого ничего не вышло. Одинъ разъ всетаки удалось, вручить царю челобитную во время входа его въ монастырь, за тѣмъ послѣдовалъ мятежъ съ требованіемъ убійства Морозова; Морозова выслали изъ Москвы и вмѣсто его къ царю сталъ близокъ Олоевскій. По его совѣту было составлено уложеніе объ упорядоченіи жизни во всѣхъ ея частяхъ. Печатнаго закона тогда не было, — онъ былъ только въ рукописяхъ. Правила только по „судебнику“ съ различными дополненіями, но онъ населенію былъ неизвѣстенъ. Законъ это былъ дьякъ и былъ, «что дышло, куда повернулъ, туда и вышло». По этому населеніе съ нетерпѣніемъ жаждало пересмотра и дополненія законовъ. Съ большимъ стараніемъ опредѣлили составъ земскаго собора для составленія уложенія законовъ. Представители были созваны пропорціонально. Наконецъ соборъ собрался въ сент. 1648 г. Царь сидѣлъ съ боярами, а выборные сидѣли отдѣльно, такъ, по крайней мѣрѣ, думали раньше, но ученые замѣтили, что, во время работъ комиссіи, подавались разныя челобитныя и самыя законоположенія составлялись въ согласіи съ ними. Слѣдовательно земщина на изданіе уложенія проявляла свое вліяніе и имѣла значеніе. Уложеніе было составлено, но оно не было въ пользу духовенства и бояръ, проиграли и крестьяне, выигралъ только посадъ и служилые люди, т. е., общественная средина. Это такъ волновало Москву, что 6 янв. 1662 г. ожидали даже погрома. Волновалась и окраина противъ «уложенія». Патриархъ

Никонъ принималъ участіе въ составленіи «уложенія», но его участіе носило отрицательный характеръ.

Многажды были соборы, но, потомъ, ихъ не стали собирать. созывали только «совѣщаніе сословное — со бояры». Начался, такимъ образомъ, приказный бюрократическій строй. Это было главное въ XVII в. при Алексѣ Михайловичѣ, но не при Петрѣ Великомъ, какъ обыкновенно думаютъ, — онъ только формулировалъ, развилъ и закончилъ то, что было начато его отцомъ.

При Алексѣ Михайловичѣ не менѣ бурно текла и церковная жизнь.

Тогда церковь переживала тяжелый вопросъ. Въ смутное время пропало очень много богослужебныхъ книгъ. Книгопечатаніе заглохло, но книги были нужны и ихъ поэтому переписывали, но безъ должнаго разумѣнія, и почему часто допускались неправильности, что замѣтили и на что указывалъ и «стоглавъ». Какъ же исправить ошибки? Критика текста чрезъ сличеніе его гарантируетъ его правильность. Но въ то время знанія языковъ не было и русскій человѣкъ не зналъ, гдѣ же написано правильно. И рѣшили сличать съ древними книгами, а признакомъ древности была «харатья — пергаментъ». Значитъ нужно было искать «харатейныя» книги. Для успѣшности дѣла пустили входъ печатный дворъ, и во главѣ его сталъ пр. Діонисій-архимандритъ Троице-Сергіевой Лавры. Это былъ человѣкъ замѣчательнаго ума въ XVII в., но онъ былъ мягкаго характера и не годился для личной борьбы. Онъ не могъ вести дѣла властно. Онъ прекрасно понималъ, что нужно сличеніе книгъ, но онъ разошелся съ своими сотрудниками и при немъ дѣло книжнаго исправленія шло слабо. Слѣдующая фаза — это сличеніе книгъ съ греческими и это мысль Діонисія. Начали заводить школы съ греческимъ языкомъ и дѣло было налажено, но тутъ вмѣшался Никонъ-патріархъ. Умный, властный и начитанный человѣкъ, онъ былъ сдѣланъ митрополитомъ Новгородскимъ. Никонъ не хотѣлъ подчиняться толпѣ и по этому еще больше возросъ въ глазахъ царя. По смерти Іосифа царь призываетъ его въ патріархи на Москву. Никонъ отказывается отъ чести и царь молитъ его со слезами, тогда Никонъ соглашается, но при условіи полного ему послушанія во всемъ. Онъ — солнце а царь — луна, говорилъ онъ. Властолюбіе его бросалось всѣмъ въ глаза.

Патріархъ себя именовалъ «великимъ Государемъ», а власть свою—«державой».

Никонъ принадлежалъ къ кружку прот. Стефана Вонифатьева, который умѣлъ собирать людей—націоналистовъ напр.—Никонъ, Аввакумъ и діак. Θεодоръ. Стефанъ Вонифатьевъ и направилъ Никона на правильный путь исправленія книгъ, но онъ захотѣлъ заводить новшества одинъ. Кружокъ Вонифатьева заволновался, сталъ говорить, что Никонъ удалился въ ересь, и не ожидая дальнѣйшаго, они написали на Никона челобитную царю. И патріархъ рѣшилъ съ ними расправиться по своему. Дѣло началось съ обвиненія свящ. Лазарева въ богохульствѣ. На соборѣ за Лазарева въ рѣзкихъ выраженіяхъ выступилъ о. Нероновъ. Послѣдовалъ разрывъ съ кружкомъ. Самое исправленіе книгъ велось неосмотрительно и исправленное пришлось переправлять. Лица—враги Никона стали въ озлобленіи на это указывать народу и онъ продолжалъ служить по мѣстамъ по старымъ книгамъ. Время Никона было неудачное для исправленія книгъ и только уже послѣ него наладилось.

Книжное исправленіе при Никонѣ было не исправленіемъ, а, выражаясь нѣсколько рѣзко, церковнымъ скандаломъ, завершившимся расколомъ въ Русской церкви. Далѣе, послѣ войны съ Литвой, послѣдовалъ у Никона разрывъ съ самимъ царемъ. Онъ опалился на патріарха и Никонъ понялъ, что около царя другіе люди и ушелъ въ Новый Іерусалимъ. Царь послалъ чиновниковъ къ нему, но онъ отъ поѣздки въ Москву отказался, хотя не отказался отъ власти. Тогда рѣшили Никона лишить патріаршества на помѣстномъ соборѣ, но Епифаній Славенецкій опротестовалъ это и тогда рѣшили обратиться къ восточнымъ патріархамъ. Началась борьба! Никонъ ночью явился въ Москву, но его водворили опять въ монастырь.

Наконецъ прибыли патріархи, состоялся судъ, явился Никонъ, на судѣ онъ держалъ себя высокомерно и гордо. И только, когда объявили рѣшеніе и стали снимать съ Никона знаки патріаршаго достоинства, онъ упалъ духомъ, но нашелъ еще въ себѣ силы сказать, отдавая кlobукъ: „на кlobукъ жемчугъ, возьмите его и подѣлите между собою,—вы за этимъ и пріѣхали сюда“...

Жалкимъ и больнымъ окончилъ онъ свою жизнь. Въ этомъ спорѣ все выходило изъ темперамента Никона, а не изъ исторической жизни Руси. Пріѣхавшіе патріархи

выяснили также и вопросъ объ отношеніи церкви къ государству. Они постановили, что церковь должна находиться въ зависимомъ отношеніи къ государству: «царь есть оберегатель церкви», а патріархъ имѣеть вліяніе только въ дѣлахъ чисто церковныхъ, въ гражданскія же дѣла вмѣшиваться не долженъ.

Такимъ образомъ, церковная жизнь при Алексѣѣ Михайловичѣ переживала тяжелое и смутное время и протекала очень бурно...

VI.

Итакъ и гражданская и церковная жизнь при Алексѣѣ Михайловичѣ была ключемъ. Въ духовной жизни было развитіе того, что было при Михаилѣ Θεодоровичѣ, т. е. старались жить «какъ при отцахъ бывало», а на дѣлѣ выходило—жили по новому. Мы видѣли, какъ проникало западное образованіе на Москву. Прошло одно поколѣніе и мы видимъ, какъ замѣтно начинается мѣняться міровоззрѣніе Москвичей. Они стали сами звать къ себѣ иностранцевъ научить ихъ, нанимать „знатцевъ“, т. е. ученыхъ людей. И поэтому на Руси при Алексѣѣ Михайловичѣ появилось много нѣмцевъ. До 1000 семей ихъ жило въ Москвѣ, имъ для развитія торговли и привлеченія денегъ (своихъ тогда на Руси было мало) открыли доступъ въ Архангельскъ. И, въ результатъ, скоро всѣ русскіе рынки были въ рукахъ голландцевъ и англичанъ. Тогда правительство русское вынуждено было запретить имъ торгъ—внутри государства. Относительно вѣры въ Москвѣ боялиевъ только католиковъ, а къ протестантамъ относились терпимо. Наконецъ, засиліе иностранцевъ стало тревожить москвичей и царь указалъ имъ въ городѣ не быть“. Около Москвы отвели мѣсто для нѣмецкой слободы. Тамъ они построили 2 кирки, бульваръ и т. п. Отъ этого вліяніе нѣмцевъ стало еще могущественнѣе. Царевичъ Петръ ходилъ въ эту слободу и тамъ получилъ первыя вліянія запада. И не у одного Петра, а и у другихъ москвичей мало по малу установилась связь и чисто житейскія отношенія къ нѣмцамъ. Они ѣздили въ слободу посматрѣть и поучиться какъ надо жить, затѣмъ, ради книжнаго исправленія въ Москву начали ѣздить греческіе іерархи (а больше ради собиранія милостыни) и москвичи старались все сличать съ греческими книгами и ихъ православіемъ. Наконецъ, пріѣхали массы Кіевскихъ

монаховъ тоже для исправленія книгъ. Всѣ эти три вліянія совершенно измѣнили старую Москву. Такъ дьякъ Григорій Котошихинъ, перебѣжавшій въ Литву и Швецію, оставилъ намъ свои мемуары. Изъ нихъ мы видимъ, что Котошихинъ даже перешелъ въ протестантство и отрекся отъ Москвы. Описывая обычаи и нравы тогдашней Москвы, онъ пишетъ, что въ ней не было просвѣщенія.

На московской Руси были люди, которые имѣли сильное вліяніе на тогдашнюю жизнь. Канцлеръ Ординъ-Нащокинъ—русскій только по внѣшности, замѣчательнаго ума и образованія, великій дипломатъ, но тяжелаго нрава. Онъ не хотѣлъ перенимать всякую мелочь: «ихъ платье не по насъ, а наше не по нихъ» и въ своей личной жизни оставался москвичемъ стараго склада. Другой русскій человѣкъ, бояринъ А. С. Матвѣевъ дорожилъ умѣньемъ иностранцевъ весело жить и заводилъ въ своемъ домѣ иностранные порядки,—у него была своя труппа «лицедѣевъ» и онъ играми ихъ тѣшилъ царя. Наконецъ, князь В. В. Голицынъ былъ еще болѣе передовымъ человѣкомъ, чѣмъ его предшественники. Это былъ покровитель іезуитовъ поляковъ и въ своей частной жизни былъ совсѣмъ иностранецъ. Такъ начали жить многіе въ Москвѣ, но противъ нихъ стояла еще старая Москва. Расколу учителя и были первыми въ этомъ дѣлѣ: они думали о воскресеніи старой русской жизни и не шли ни на какія уступки. И Никонъ тоже не терпѣлъ нѣмцевъ-иноземцевъ. За этими консерваторами стояла масса—народъ. Но въ Москвѣ, мы уже видѣли, совершался культурный переломъ. Старые идеалы отживали и падали, а новые нарождались и крѣпли, Москва переходила къ общенію съ культурнымъ человѣчествомъ. Когда все уже было готово къ реформамъ въ пользу запада,—въ Москвѣ не было человѣка, который далъ бы нужный толчекъ. И этотъ толчекъ далъ Великій Петръ, но не царь Алексѣй Михайловичъ.

Царь Алексѣй Михайловичъ необыкновенно привлекательный человѣкъ по словамъ не только русскихъ современниковъ, но и иностранцевъ, что особенно цѣнно для насъ. И дѣйствительно, характеръ его былъ необычайно впечатлительный,—онъ какъ губка впитывалъ въ себя все проходившее предъ его очами. Онъ былъ деликатный, высоконравственный, богомольный, поэтич-

ный и кроткій. Правда, онъ былъ вспыльчивъ, но отходчивъ. Это былъ такой человекъ, который могъ заставить работать другихъ, но не могъ работать самъ. Такимъ крѣпкимъ и могучимъ работникомъ—реформаторомъ и былъ сынъ его, гениальный Пётръ...

Свящ. В. Палимпсестовъ.

(До слѣд. №-ра.)

Отрадная страничка изъ жизни.

20 Декабря 1913 г. ученицы 1 Саратовской Министерской Женской Гимназіи прощались съ своимъ законоучителемъ о. Веніаминомъ Контридзе, перешедшимъ на службу въ г. Баку священникомъ собора и законоучителемъ 2-й бакинской женской гимназіи.

Не смотря на сравнительно короткій срокъ законоучительства въ гимназіи, о. Веніаминъ пользовался общей любовью и уваженіемъ какъ воспитанницъ, такъ и сослуживцевъ. Это и сказалося при прощаніи. Передъ напутственнымъ молебномъ 2-й законоучитель о. Палимпсестовъ въ краткой рѣчи обрисовалъ отношеніе ученицъ къ своему уважаемому законоучителю, отмѣтилъ, что самый молебенъ будетъ совершенъ по просьбѣ ученицъ и пригласилъ всѣхъ присутствующихъ помолиться за него, да будетъ благополучно его отшествіе и да будетъ также плодотворна и въ будущемъ его пастырская дѣятельность. Послѣ молебна, въ теплыхъ словахъ самъ о. Контридзе остановился надъ отношеніемъ къ нему ученицъ и сослуживцевъ, говорилъ, что онъ и не подозрѣвалъ, какъ крѣпка его связь съ оставляемымъ учебнымъ заведеніемъ, засвидѣтельствовалъ, что онъ уноситъ о гимназіи самыя лучшія чувства и закончилъ пожеланіемъ развитія и процвѣтанія гимназіи на многая лѣта. Въ отвѣтъ на его слова одна изъ ученицъ VII кл. высказала, что въ о. Веніаминѣ для нихъ были особенно дороги его сердечность и не „сухое и формальное только отношеніе къ своему предмету“, а желаніе ввести ученицъ въ самую суть ученія Христа. Отъ лица преподавательскаго персонала на прощаніе сказала нѣсколько словъ г. Димитріева.

Отъ ученицъ поднесены о. В. Контридзе евангеліе и икона Иверской Божіей Матери.

Свящ. В. Палимпсестовъ.